

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИЪАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

МАРТА 1-ГО № 5. 1867 ГОДА.

— *Содержаніе.* — Клиента, Александрійскаго пресвитера, Стромать (т. е. Узоровъ) книга первая. (Продолж.). — Недѣля православія. — Рѣчь къ Святѣйшему Синоду, сказанная Воронежской семинаріи ректоромъ архимандритомъ Θεодосіемъ, при нареченіи его во епископа Острогжскаго, викарія Воронежской епархіи. — Объявленія.

Клиента, Александрійскаго пресвитера,
СТРОМАТЬ (Т. Е. УЗОРОВЪ) КНИГА ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О томъ, что каждая изъ философскихъ школъ имѣла какую нибудь часть истины.

Тогда какъ истина—одна (1), потому что ложь, напротивъ, имѣетъ безчисленное множество развѣтвленій, школы философскія, какъ греческія, такъ и варварскія, мечтаютъ обладать цѣлою истиною въ томъ, что каждой изъ нихъ досталось, когда они раздробили ученіе истины, подобно Вакханкамъ, растерзавшимъ члены Пеноея (2); но съ появленіемъ

(1) Подобное въ сочиненіяхъ Лактанція; см. 7-ю гл. 6-й книги.

(2) Пеней былъ царемъ Фивскимъ. Когда хотѣлъ прекратить раслущенность, соединявшуюся съ церемоніями въ честь Бахуса, то

свѣта (³), думаю, все проясняется. Пусть же выходятъ на средину всѣ, стремившіеся къ истинѣ, греки и варвары, какъ тѣ, кои обладаютъ не мало-важною, такъ и имѣющіе едва замѣтную частицу истины Слова. И если вѣкъ какъ бы въ одномъ моментѣ (ἀχαρίεως) представляетъ будущія, настоящія и прошедшія части времени: то, безъ сомнѣнія, Истина (⁴) сильнѣе вѣка можетъ собрать Свой сѣмена, хотя бы Она разсыпала ихъ и на чужой землѣ (⁵): ибо найдемъ весьма много мнѣній у разныхъ школъ (тѣхъ, то есть, кои несовершенно нелѣпы и не оставили (⁶) растерзаннымъ естественнаго смысла, Христа, подобно какъ тѣ женщины (вакханки) мужа),—такихъ мнѣній, кои, хотя кажутся несходными между собою, сходятся однакожъ въ родѣ и всеобщемъ основаніи истины, соприкасаются истинѣ какой нибудь стороною — то какъ членъ, то какъ видъ, то какъ родъ. (Въ музыкальномъ инструментѣ) высшая струна противоположна низшей, и однако жъ обѣ (при одновременномъ сотрясеніи) издають стройный аккордъ. Равное число отлично отъ неравнаго; но ариѳметика соединяетъ

бѣшенныя жрицы растерзали его на клочки. Объ этомъ разсказывается въ третьей книги «Превращеній» Овидія.

(³) Разумѣется тотъ Свѣтъ, который сказалъ о Себѣ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8—12).

(⁴) То есть—Христось, сказавшій: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. 6—6).

(⁵) То есть — и виѣ избраннаго народа Божія, евреевъ.

(⁶) По всей вѣроятности разумѣются преимущественно гностическія секты Аскотрукетовъ, Севианъ, Каннитовъ и др., которыя ученіе Христово такъ обезобразили и, можно сказать, изгладили изъ своихъ системъ, что отъ него оставалось у нихъ одно имя.

ихъ. Въ фигурѣ кругъ, треугольникъ, четвероугольникъ и инныя очертанія фигуръ соединяются, хотя они различаются между собою. Всѣ части вселенной разнородны, но сохраняютъ свое отношеніе къ цѣлому. Тоже должно сказать и о философіи, какъ варварской, такъ и греческой: школы заимствовали нѣкоторыя частички вѣчной истины не изъ баснословія Вакха, но изъ богословія вѣчнаго Слова. И кто поусердствуетъ собрать эти доли во едино, знай, что безъ всякаго опасенія ошибки будетъ созерцать совершенное Слово, Истину. Посему и написано въ книгѣ Екклезіаста: *и умножихъ мудрость паче всѣхъ, иже быша прежде мене во Иерусалимѣ, и сердце мое видѣ многая: премудрость и адъ, притчи и хитрость. И уразумѣхъ азъ, яко и сіе есть произволеніе (προαίρεσις) души: яко во множествѣ мудрости множество разума (γνώσεως)*. Еккл. 1, 16—17. И кто обладаетъ всестороннею мудростію, тотъ въ собственномъ смыслѣ будетъ гностикомъ (мудрымъ христіаниномъ), какъ и написано: *изобиліе разума премудрости оживляетъ сущаю отъ нея* (Ек. 7, 13). И сказанное подтверждается еще яснѣе слѣдующимъ изреченіемъ: *все находится предъ взорами твоими, которые понимаютъ (πάντα ἐνώπιόν σου οὐρανοὶ)*; все, то есть, и греческое, и варварское; потому что то или другое еще не есть все. И (все) видимо желающимъ стяжать чувство. Избирайте наставленіе, а не сребро, и знаніе болѣе золота искушеннаго. Избирайте, значить, и чувство предпочтительно предъ чистымъ золотомъ (сн. Притч. 3, 14—15): потому что *премудрость лучше камней драгоценныхъ, и всякая драгоценность недостойна ея*. Притч. 8, 9—11.

(Продолж. будетъ).

Шедьбя православія

Торжество православія не можетъ не быть утѣшительнымъ для сердца христіанскаго. Церковь торжествуетъ преславную побѣду вѣры Христовой, которая среди гоненій отъ язычниковъ и среди множества ересей, обуревавшихъ ее, пребывъ неодолимою, — восторжествовала наконецъ надъ всеми врагами своими и утвердилась такъ, что, по слову Господню, и врата адовы не способны одолѣть ее. Вѣрная цѣнительница духовныхъ подвиговъ и дарованій, св. Церковь, не преминула ублажать при этомъ тѣхъ поборниковъ вѣры и благочестія, которые словомъ и дѣломъ, ученіемъ и жизнью, умѣли *братися* съ врагами православія, преобѣждать ихъ козни, ограждать неприкосновенность истинъ евангельскихъ и утверждать смыслъ православія для вѣковъ послѣдующихъ... Всеѣмъ о православіи подвизавшимся словесы, писаніи, ученіи, страданіи и Богоугоднымъ житіемъ, яко защитникомъ и пособникомъ онаго, Христова Церковь, лѣтнее воспоминаніе творя, восклицаетъ: вѣчная память“! (послѣд. въ нед. правосл.)

Но, съ другой стороны, торжество православія не можетъ не наполнять душу христіанина и нѣкоторымъ болѣзненнымъ чувствомъ. Невольно смущается душа, когда поражаетъ слухъ нашъ тотъ судъ нелицепріятный, какой судитъ нынѣ св. церковь. Невольно содрогается сердце, когда слышишь грозное и поражающее: „анаѰема.“ Противъ кого и чего провозглашаетъ Церковь анаѰему? Противъ тѣхъ, кто не признаетъ бытія Божія и Его святаго промысла, кто отвергаетъ искупленіе, совершенное Сыномъ Божиимъ, кто отвергаетъ воскресеніе мертвыхъ,

кто не вѣруетъ въ жизнь будущаго вѣка, и кто по всему этому ведетъ жизнь безбожную и нечестивую. Слово „анаѳема“ означаетъ *отдѣленіе, отступленіе, отлученіе*. Итакъ подвергаемый анаѳемѣ, подобно какъ гнилой членъ или какъ вѣтвь усохшая, отсѣкается отъ единства Церкви православной и отлучается отъ участія въ благодатныхъ дарахъ св. Духа, лишается права на наслѣдіе благъ, общаемыхъ евангеліемъ, и осуждается на пагубу. Грустная участь!

Въ нашу пору—не знаемъ—много ли есть такихъ поборниковъ православія, которые бы готовы были жертвовать за вѣру не только выгодами жизни, но и самую жизнь,—которые бы среди искушеній въ вѣрѣ и среди соблазновъ въ жизни, всего болѣе заботились о соблюденіи вѣры и чистоты жизни. Но недумаетъ такъ же, чтобы въ нашу пору существовали въ церкви православной и такіе, которые бы способны были умышленно извращать и упорно отвергать спасительные догматы св. вѣры христіанской,—которые бы готовы были, наперекоръ ученію евангельскому, предаваться всякой нечистотѣ нравственной, которые бы рѣшились на всякое упорство и противленіе уставамъ и правиламъ церковнымъ. Въ наше время чаще всего можно встрѣчать людей, которые, какъ говорится, и вѣрятъ и не вѣрятъ истинамъ вѣры,—которые желали бы имѣть вѣру крѣпкую, чтобы не лишиться наслѣдія небеснаго, но въ тоже время отъ самой вѣры желали бы удостовѣреній и доказательствъ, что она точно доставляетъ тѣ блага, какія общаются евангеліемъ. Это состояніе, такъ сказать, шатанія вѣры есть

религіозное сомніе, которое составляет едва ли не всеобщій характеръ вѣры нашего сомнія. На чемъ основывается это сомніе? отъ чего многіе изъ христіанъ православныхъ или не вѣрятъ, или съ сомніемъ вѣрятъ истинамъ евангельскимъ, и основательны ли ихъ сомнія въ таинствахъ христіанской религіи?—

Первымъ вытливимъ совопросникомъ въ таинствахъ вѣры всегда былъ, и кажется всегда будетъ, чловѣческой разумъ. Онъ по природѣ своей не способенъ охотно вѣровать тому, чего не понимаетъ. По этому люди, съ большимъ довѣріемъ относящіеся къ разуму, чѣмъ къ евангелію, говорятъ обыкновенно, что,, истины евангельскаго ученія не подходятъ подъ понятія разума: можемъ ли мы объяснить, наиримѣръ, какимъ образомъ дѣйствуетъ благодать Божія, въ таинствахъ церкви, когда вмѣняется намъ въ оправданіе и освященіе наше и отъ чего безъ благодати не можно спасеніе наше, когда есть на то съ нашей стороны полная свободная рѣшимость? Или еще: какъ возможно воскресеніе мертвыхъ? Есть ли подлинно жизнь будущая и какое имѣетъ отношеніе къ ней настоящая, земная жизнь чловѣка? Гдѣ и какою жизнью живетъ душа по смерти, если она подлинно безсмертная? Всѣ эти и многіе другіе вопросы, составляющіе сущность христіанскаго вѣроученія недоступны, говорятъ, для нашего вѣденія. Такъ ли все будетъ, какъ учитъ евангеліе? Или можетъ быть по смерти постигаетъ чловѣка наряду со всѣмъ прочимъ участь всеобщаго уничтоженія, какъ и говорили нѣкіе: *самослучайно рождены есмь, и по семъ будемъ, якоже не бывше:*

пепелъ будетъ тѣло наше: и духъ нашъ намъ разліется, какъ мягкій воздухъ (Прем. 11. 2. 3). И вотъ возникаетъ сомнѣніе въ вѣрѣ, которое по обыкновенному закону естественности не можетъ не препровождать къ вреднымъ послѣдствіямъ и въ жизни, ибо всякое заблужденіе въ вѣрѣ не минуемо влечетъ за собою пороки въ нравственности.

Понятно само по себѣ, чего хочетъ въ этомъ случаѣ разумъ. Ему хотѣлосьбы овладѣть тѣми тайнами, владѣть которыми принадлежитъ одному Вездѣсущему и Всевѣдущему. Но разумъ забываетъ при этомъ объ одной истиннѣ, самой близкой къ его природѣ, именно той, что въ его природѣ не положено всевѣденіе. Онъ заключенъ въ тѣсный кругъ дѣйствованія въ предѣлахъ конечнаго и временнаго бытія; и потому онъ не можетъ въ своихъ сужденіяхъ отрѣшиться отъ формъ пространства и времени и стать выше всѣхъ тѣхъ клѣточекъ, какія обыкновенно строятъ въ своихъ силлогизмахъ. Что же дивнаго, если то, что выходитъ изъ предѣловъ условнаго и временнаго бытія существуетъ по законамъ вѣчнаго и безусловнаго порядка вещей, не вмѣщается въ тѣсныхъ рамахъ его понятій и не постигается путемъ умозаключеній?...

Въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ ли широкъ тотъ кругъ вѣдѣнія, какой обыкновенно строятъ для насъ уважаемый нами разумъ? Не говоря пока о сверхъестественномъ, -вспросимъ: всели знаетъ онъ въ области даже естественнаго? Объяснилъ ли, на примѣръ, съ достаточною удовлетворительностію разумъ: на чемъ утверждено это множество свѣтилъ небесныхъ въ безпредѣльной пустотѣ пространства? Гдѣ начало

и конецъ ихъ движенія? Гдѣ предѣль тверди небесной? Чѣмъ держится солнце съ его планетами и спутниками? Какъ лучъ солнечной живить планеты и проч.? Предметы эти подлежатъ нашему чувственному взору; но удовлетворительнаго отвѣта на сказанные вопросы разумъ не далъ еще, да едвали и дастъ когда либо. Сойдемъ на землю; земля ближе къ намъ, чѣмъ отдаленныя свѣтила небесныя. Постигъ ли же разумъ коренныя законы земли и узналъ ли, отъ чего происходитъ то, что зерно, которое сѣмъ, *неоживетъ, аще не умретъ?* (1 кор. xv. 36) Для чего ему нужно сгнить непременно, чтобы потомъ дать растѣнію по виду своему? Съумѣлъ ли объяснить разумъ, гдѣ научилась земля искусству съ такимъ изяществомъ укрощать произведенія свои? *Смотрите крингъ сельныхъ, како растутъ, не труждаются, ни прядутъ;* а они украшены такъ, какъ не украшался и Соломонъ при всей славѣ и при всей мудрости своей. Простой цвѣтъ полевой, кажется, достаточно служить образцомъ такой художественности, до какой ни когда не возвысится все искусство человѣческое. Обратимся къ самимъ себѣ. Составъ нашего бытія есть великая тайна для разума, которой онъ при всѣхъ усиліяхъ своихъ разъяснить хорошо не можетъ. Наше рожденіе и смерть, наша калыбель и могила, окружены тайною, которой не проникнетъ знаніе. Можемъ ли мы извѣдать всю глубину сердца человѣческаго, или уразумѣть существо собственной души и живое начало нашего живаго телѣснаго состава? Какимъ образомъ бытіе вещественное и духовное соединены въ насъ въ такое единство, что оба вмѣстѣ, въ своемъ единствѣ, составляютъ наше

личное человѣческое существо? Какъ умъ, пребывая внутри тебя, *пораждаетъ свою мысль въ другомъ умѣ?* Какъ чувство сердца, которое ты иногда хотѣлъ бы скрыть и отъ себя самаго, порождаетъ между тѣмъ соотвѣтственное чувство въ другомъ сердцѣ? Какъ словомъ сообщается мысль? Значитъ и самъ человѣкъ есть великая тайна для разума!—Такова немощь и безсиліе разума даже тамъ, гдѣ судя по устройству и назначенію его природы, ему, кажется, надлежало бы господственно возвышаться своимъ вѣденіемъ. Какое же можетъ имѣть значеніе то требованіе разума, чтобы міръ сверхъ-естественныхъ откровеній не заключалъ въ себѣ ни какихъ для него таинствъ?... Міръ откровеній не заключалъ бы таинствъ для разума, еслибы разумъ, оставаясь вѣрнымъ призванію и назначенію своей природы, не расторгъ первобытной связи своей съ Истиною, которая первоначально была дана нашему духу, какъ предметъ не посредственнаго созерцанія, и если бы своимъ уклоненіемъ отъ истины не повергъ себя въ область лжи и заблужденій, въ которой путается онъ теперь, не умѣя понять хорошо, чѣмъ онъ былъ, чѣмъ онъ сталъ, чѣмъ онъ долженъ быть и какъ стать тѣмъ, чѣмъ должно ему быть. Въ теперешнемъ состояніи падшей природы нашей, когда нашъ разумъ, въ ослѣпленіи самовозношенія, сдѣлался способнымъ уже, по апостольскому слову, *взиматься на разумъ Божій*, (2. кор. x 5.), ему и не нужно и опасно повѣрять знаніе тѣхъ таинъ, вѣденіе которыхъ принадлежитъ одному Всевѣдущему.

Не нужно. Ибо цѣль ученія откровеннаго существова-
ственно въ томъ состоитъ, чтобы указать человѣку

возвратный путь къ потерянному блаженству и указаннымъ путемъ привести къ нему на самомъ дѣлѣ, при посредствѣ Божественной благодати. Очевидно, что для этой цѣли откровенное ученіе должно съ ясностію раскрыть то особенно, что нужно знать намъ, чтобы имѣть возможность приобрѣсти право на наслѣдіе блаженства между прочимъ и трудами собственными, — чтобы при свѣтѣ откровеннаго ученія мы правильнѣе могли видѣть, въ какомъ состояніи мы находимся, въ какомъ намъ должно находиться, и что дѣлать намъ, чтобы поставить себя туда, гдѣ намъ должно стоять. И развѣ не раскрыто все это въ евангеліи съ надлежащею полнотою и ясностію? Что кромѣ и выше этого, то относится уже къ вопросамъ любопытства нашей мысли, — къ такимъ вопросамъ, на которые не имѣть подробныхъ отвѣтовъ въ евангеліи — дѣло не вредное для нашего счастья. Нѣтъ вреда для меня, когда я не могу разрѣшить вопроса: отъ чего безъ благодати Божіей невозможно спасеніе человѣка? Но когда я „непріемлю благодати искупленія, евангеліемъ проповѣданнаго, какъ единственнаго къ оправданію нашему предъ Богомъ средства“; то мнѣ угрожаетъ судъ церковный: анаѳема. Нѣтъ вреда для меня, когда я не знаю, какъ дѣйствуетъ благодать въ таинствахъ церкви къ оправданію и освященію. Но когда я „отметаю всѣ таинства, святою церковію содержимы“; то постигнетъ меня судъ церковный: анаѳема. Нѣтъ вреда для меня, когда я не понимаю по разуму своему, какъ возможно воскресеніе мертвыхъ; какова будетъ жизнь души по смерти; въ чемъ состоитъ жизнь будущаго вѣка и проч. Но когда я

«отвергаю безсмертіе души, не вѣрю въ воскресе-
 «сеніе мертвыхъ, отметаю судъ будущій и воздаяніе
 «вѣчное за добродѣтели на небесахъ, за грѣхи же
 «осужденіе;» то меня неминуемо постигнетъ судъ:
 анаѳема!—(послѣд. въ нед. Правосл.) *Опасно.* Если
 бы таинства вѣры могли быть низведены въ кругъ
 предметовъ обыкновеннаго человѣческаго вѣденія,
 если бы они сдѣлались предметомъ, доступнымъ
 изслѣдованію разума и повѣркѣ опыта: то они, не-
 роставъ быть таинствами, утратили бы свой свя-
 щенный характеръ и можетъ быть больше служили
 бы къ преткновеніямъ и паденію нашему, чѣмъ къ
 возстанію и спасенію. Ибо кто поручится, что бы
 нашъ разумъ и произволь не употребили во зло
 таинъ Божіихъ, если бы онѣ были открыты намъ
 во всей полнотѣ, и еслибъ намъ предоставлена была
 возможность поступать съ ними, какъ съ предме-
 тами обыкновеннаго знанія и обыкновенной дѣятель-
 ности. Даже и теперь, когда мы неможемъ хвалиться
 всезнаніемъ таинъ, по мѣрѣ .оскуднѣнія нравствен-
 наго чувства въ людяхъ, разумъ производитъ не-
 рѣдко пагубные перевороты въ области откровен-
 ныхъ истинъ. Кто не вовсе поверхностно знакомъ
 съ исторіею просвѣщенія человѣческаго, тотъ вѣ-
 даетъ конечно, какому печальному жребію способенъ
 подвергать откровенныя истины разумъ, настрои-
 ваемый *суетною философіею и тщетною лестію*, какую
 тонкую и тлетворную отраву способенъ онъ вливать
 въ умы и нравы народные. А чи тая пророчество
 о послѣднихъ дняхъ міра, нельзя неусматривать,
 что произведетъ разумъ при кончинѣ міра, когда
 всѣ важнѣйшія и священнѣйшія истины огласить

именемъ изобрѣтеній человѣческихъ и поставитъ на мѣсто ихъ новыя, дотоле неслыханныя, имъ самимъ сотворенныя.

Если же при всѣхъ подобныхъ соображеніяхъ разумъ, по свойственной ему пытливости, все еще хочетъ вѣденія, все еще мысль его порывается проникнуть въ таинственную область невѣдомаго, то лучшаго пути къ достиженію этой цѣли нельзя указать ему иного, какъ въ вѣрѣ же. Ибо вѣра способна прозрѣвать дальше всего конечнаго, и разумѣвать больше всего видимаго. Вѣрою Ной удостоился получить отъ Бога отвѣтъ *о сихъ, яже не ѹ видѣ.* (Евр. XI. Ч.) Вѣра показывала Аврааму образъ всемірнаго жертвоприношенія Голгоѣскаго въ жертвоприношеніи Исаака, — и еще за нѣсколько тысящелѣтій впередъ до событія Авраамъ событіе это уже *и видѣ, и возрадовася.* Вѣра открыла Моисею то мздовоздаяніе, за которое онъ обильныя богатства Египетскихъ сокровищъ промѣнялъ *на поношеніе: взираше бо на мздовоздаяніе.* (Евр. XI. 25.) Какъ ветхозавѣтнымъ Праотцамъ и Патріархамъ вѣра давала возможность видѣть и постигать то, что чрезъ нѣсколько тысящелѣтій имѣло совершаться въ церкви благодатно; такъ и въ Новомъ Завѣтѣ вѣра даетъ слухъ, чтобы слышать, и око, чтобы видѣть то, что имѣетъ произойти покончаніи вѣковъ въ Царствѣ Славы. Вѣра восхищала Апостола Павла въ рай и оглашала слухъ его неизреченными глаголами, которыхъ *не лѣтъ еси чловѣку глаголати.* Вѣра открыла Тайновидцу всю послѣдующую судьбу міра и Церкви, и показала ему таинства будущаго вѣка. Вѣра и всякому вѣрующему даетъ видѣть столько, сколько

естественный разумъ не узреть самъ собою во все продолженіе земнаго существованія человѣка. Ибо она есть органъ, которымъ стяжевается *помазаніе отъ Святаго*; а это такое совершенство, которое препровождаетъ ко всевѣденію, по написанному: *и вы имате отъ святаго и вѣсте вся, и не потребуете, да кто учитъ вы, яко то само помазаніе учитъ всему, и возвѣщаетъ все.* (1 Іоан. 11. 10, 27).

Говорятъ еще, что истины Евангельскаго ученія противорѣчатъ требованіямъ человѣческой природы. «Если Евангеліе, говорятъ, имѣетъ цѣлію привести «человѣка къ блаженству; то его ученіе должно на- «ходиться въ соотвѣтствіи съ требованіями природы «нашей; ибо блаженство возможно для человѣка «тогда только, когда всѣ стремленія его получаютъ «полное успокоеніе и удовлетвореніе. Но Евангель- «ское ученіе не только не соотвѣтствуетъ, а напро- «тивъ ограничиваетъ, умерщвляетъ естественныя «требованія человѣческой природы. Существенная «мысль Евангельской практики о самоотверженіи «требуетъ насилія себѣ самому, такъ не естествен- «наго человѣку по его природѣ.»

Разсужденіе—по видимому правильное. Но да неоскорбится никакое естественное самолюбіе, когда на такой вопросъ скажетъ кто либо, что разсуждающій такимъ образомъ неправильно понимаетъ человѣческую природу. Въ самомъ дѣлѣ если станемъ, безъ пристрастія разсматривать вопросъ: въ томъ ли, въ какомъ должнo, положеніи находится наша естественная природа; то не увидимъ ли, что естественныя требованія ея извращены до того, что иной разъ и узнать трудно въ ней природу собственно человѣ-

ческую? Напримѣръ: —мы хвалимся умомъ. Но такое умъ въ его чистой, первоначальной природѣ. Если душа, по существу своему, есть *образъ Божій*, чего не можетъ отвергнуть и разумъ; то умъ ея представитель въ душѣ правды вѣчной, намѣстникъ Божественной истины. Каковъ же онъ теперь, настоящемъ его видѣ? Урѣдкихъ онъ посвящаетъ на богомысліе. Умногихъ занять наукою и преследуетъ удобства и выгоды жизни. Убольшей частью обращенъ на предметъ изысканія удовольствій и наслажденій. Почти у всѣхъ этотъ умъ безъ погрѣшности умѣетъ опредѣлять свое положеніе въ кругу другихъ, чтобы на счетъ другихъ — право или неправо — возвысить себя самага. Но, какъ показываетъ постоянный опытъ, — онъ и тупъ къ уразумѣнію той мысли, что крещеніемъ мы *спогребомъ въ смерть Христову, да якоже Христосъ воста отъ мертвыхъ*, такъ и намъ должно *ходить въ обновленіе духа, а не въ ветхости плоти*, — (Рим. VI. 4.) и слѣдуетъ, чтобы видѣть, что во всѣхъ видахъ чувственныхъ удовольствій и наслажденій, какъ въ яблокѣ познания добра и зла, кроется наша смерть и гибель. Потому не идетъ ли къ нему другое слово Апостола: *помрачени смысломъ, суще отчуждени отъ жизни живей?* (Ефес. IV. 18) Мы хвалимся волею, и ея требованія оглашаемъ именемъ закона нравственной дѣятельности. Но если душа есть *образъ Божій*; воля въ ней должна быть представительницею Божественной святости. Какова же она теперь — на самомъ дѣлѣ? Тотъ ли у ней законъ правды и добродѣтели: *и еже хотѣти и еже дѣлати облагодѣтели*. Или тотъ, о которомъ сказалъ Апостоль: *вижду*

законъ во удохъ моихъ, противволюющъ закону ума моего и плнмяющъ мя закономъ грѣховнымъ. (Рим. VI. 23). Если безъ пристрастія разсматривать дѣла нашего хотѣнія; то оказывается, что правиломъ воли нашей почти всегда служить этотъ второй законъ. Иначе, что значить множество грѣховъ въ людяхъ, о которыхъ сожальютъ сами согрѣшающіе, множество неправдъ въ мірѣ, которыя проклинаются самими людьми, бездна золь и суеты, о которой воздыхаетъ даже тварь неразумная?.. Намъ дано сердце — чувствовать, наслаждаться, жить. Оно есть органъ въ душѣ для воспріятія ощущеній блаженства въ прискреннемъ единеніи съ Единымъ Всеблаженнымъ. Наше сердце много, можетъ быть, перечувствовало и многимъ наслаждалось. Но эти наслажденія сердца нечасто ли влекутъ за собою скорбь и слезы?.. Оно жило и живетъ, если еще неизжито. Но изъ всей жизни сердца среди крушенія суеты много ли укажемъ минутъ истинно райскаго блаженства?.. Это разстройство и извращеніе назначенія силъ души нашей развѣ естественное показываетъ состояніе въ нашей природѣ? . Нѣтъ; — Богъ Творецъ существа нашего не есть Богъ не строенія, но Богъ согласія и всякаго порядка. Это разстройство существа нашего, такъ очевидное для всякаго, кто наблюдаетъ за ходомъ духовной жизни своей, есть неотразимое свидѣтельство о той истинѣ, что мы находимся въ неестественномъ намъ состояніи, что мы утратили свое первобытное мѣсто, что мы забыли, гдѣ были, и теперь уже, по уму своему, понять хорошо не можемъ, куда мы себя поставили. Что бы выдти намъ изъ этого неестественнаго

намъ состоянія, чтобы снова стать тамъ, гдѣ намъ должно стоять, очевидно—порядокъ дѣйствій долженъ быть другой. Путь нравственнаго возстановленія долженъ быть въ обратномъ отношеніи къ пути нравственнаго низпаденія. По этому и самъ разумъ не можетъ не признать необходимости—отрѣшиться отъ всѣхъ тѣхъ чувственныхъ требованій, которыя *противувоютъ закону ума и плмяютъ насъ закономъ грѣховнымъ*,—какъ нѣкоторые изъ древнихъ мудрецовъ, еще до Христіанства, руководствуясь однимъ разумомъ, дѣйствительно и приходили къ убѣжденію въ необходимости—обуздывать неводержаніе, укрощать страсти, умерщвлять похоти, отрѣвлять всѣ плоти угодія. Значить—для устройства и приведенія въ порядокъ внутренняго безпорядка души нашей нужно съ огнемъ пройти по всѣмъ путямъ движеній нечистой мысли, грѣховнаго чувства, беззаконнаго желанія;—должно начать жить и дѣйствовать такъ, какъ требуетъ чистый умъ, святая воля, неукоризненная совѣсть, какъ угодно Богу, какъ должно человѣку, созданному по образу Божію. Эта нравственная необходимость, которой, повторяемъ, не можетъ не признать и разумъ, не есть ли то самое самоотверженіе, какое проповѣдуется Евангеліемъ?.. Если здѣсь есть различіе; то оно въ томъ только состоитъ, что разумъ, признавая необходимость самоотверженія, не даетъ человѣку силъ къ побѣдѣ надъ собою, не можетъ пролить въ сердце его ни одной капли утѣшенія и отрады въ суровой борьбѣ съ страстями своими. Евангеліе, напротивъ того не только облегчаетъ борьбу эту разными утѣшительными обѣтованіями, но и открываетъ источ-

никъ силы къ препобѣжденію себя самаго въ Божественной Благодати. А потому справедливо ли думаютъ и говорятъ люди, которые въ истинахъ Евангельскаго ученія видятъ противорѣчіе естественнымъ требованіямъ, въ Евангельскомъ самоотверженіи—насиліе природѣ?.. Евангеліе точно противорѣчитъ природѣ, но какой?—Чувственной, грѣховной. И самоотверженіе умерщвляетъ человѣка, но какого? Чувственнаго, плотскаго, на развалинахъ котораго долженъ возсіять новый для *правды и преподобія истины*, какъ наслѣдникъ свѣта невечернаго, блаженства нескончаемаго. И что было бы, если бы Евангеліе вздумало поблажать требованіямъ чувственной природы человѣческой? Какая бездна золь и нестройной открылась бы на землѣ! Враждамъ и злодѣйствамъ не было бы конца; страстямъ и порокамъ не было бы конца; сомолюбію и неправдамъ не было бы конца; разстройству и разрушенію не было бы конца. Это понятно само по себѣ. Понятно такъ же и то, чего желаютъ тѣ, кому хотѣлось бы религіи, согласующейся съ требованіями чувственной природы нашей—счастія или пагубы, неба или ада!

«Православія день празднуя, православнии людѣе наипаче прославимъ Виновника всехъ благъ Бога, иже сый благословенъ во вѣки. Сей Богъ нашъ, промысля и утверждая возлюбленное свое достояніе, Святую Церковь, еще въ раи основаніе ей положи. Сей Богъ нашъ, многочастнѣ и многообразнѣ древле глаголавый Отцемъ во Пророцѣхъ, въ послѣдокъ днѣи сихъ глагола намъ въ Сынѣ своемъ,—иже возвѣсти Его о насъ благоволеніе, откры тайнства небесная, увѣри силою

«Св. Духа о истинѣ благовѣстія, посла Апостолы «во весь міръ проповѣдати Евангеліе Царствія, и утверди оное различными силами и чудесами Сему, «спасительному откровенію послѣдующіе, сего благовѣстія держащесе,» (послѣд. въ недѣл. православія) да удержимся отъ пререканій тайнамъ Евангельскаго ученія. Правда этого ученія оправдана чудесами, запечатлѣна смертію Учившаго и увѣнчана тридневнымъ воскресеніемъ Основателя Христіанской вѣры.

П. Вышиневскій.

РѢЧЬ

къ Святѣйшему Синоду, сказанная воронежской семинаріи ректоромъ, архимандритомъ Θεодосіемъ, при нареченіи его во епископа острогожскаго, викарія воронежской епархіи, 25 января 1867 г.

Ваше Святѣйшество,

Богонизбранные Иерархи и Отцы!

Вѣрую, яко Ходящій посреди свѣтильниковъ, Держащій въ десницѣ Своей звѣзды, Самъ меня, нища и убога духомъ, подъемлетъ изъ праха и поставляетъ на тверди церковной, да, подобно свѣтильнику, озаряю и я часть спасаемыхъ, да, подобно Апостолу, ревнуня по ближнихъ моихъ ревностію Божіею, изрекаю миръ и благословеніе на люди, да болѣзную о нихъ сердцемъ, *дождеже вообразится въ нихъ Христосъ*. Исповѣдую, яко по благи Своей Онъ, Всевышній, призрѣвъ на смиреніе мое, тво-

рить мя нынѣ *сосудъ въ честь*, поставляетъ мя на
высокихъ (Римл. 9, 21).

Но, Святѣйшіе іерархи и Богомудрые отцы,
могу ли я въ семъ избраніи меня къ святительско-
му служенію не признать и Вашего отческаго вни-
манія ко мнѣ, юнѣйшему въ числѣ собратій моихъ,
уготавливаемыхъ св. Церковію къ сему высокому въ
ней служенію? Могу ли не исповѣдать предъ вами
и Вашего благоснисходительнаго призрѣнія на меня
недостойнаго? О, да будетъ же священо и присно-
памятно для меня это милостивое призрѣніе Ваше
на мое недостойнство!

Обозрѣвая мысленно подлежащее мнѣ поприще
новаго служенія, я невольно смущаюсь и недоумѣ-
ваю, *како будетъ сіе* со мною, при моемъ недостойн-
ствѣ и духовномъ убожествѣ. Если въ какомъ слу-
женіи страшна для властителей отвѣтственность
предъ Богомъ за злоупотребленіе власти, за неиспол-
неніе своихъ обязанностей, то — особенно въ служе-
ніи святительскомъ; съ другой стороны, если для
всякаго человѣка, по мѣрѣ возвышенія его, возрастаетъ
и опасность паденія, то преимущественно это
— для епископа и всѣхъ болѣе для меня, слабаго и
неопытнаго. Предъ взоромъ моимъ живо предносит-
ся образъ истиннаго пастыря Церкви. Епископъ,
пастырь по сердцу Божию, долженъ быть живымъ
образомъ Пастыреначальника, Христа Спасителя,
обязанъ пасти люди Божіи въ правдѣ и въ препо-
добіи истины, бодреннымъ сердцемъ и трезвенною
мыслію, въ чистотѣ совѣсти и въ духѣ молитвы
предшествовать имъ въ служеніи Богу, долженъ
быть непостыднымъ ходатаемъ и орудіемъ благодати

ныхъ даровъ для паствы ему Богодарованной; подобно орлу, возвышаясь надъ всѣмъ земнымъ и дольнымъ, онъ мыслями и желаніями долженъ выну парить къ солнцу правды -- Христу Богу, подобно свѣтильнику, стоящему на высокомъ мѣстѣ, разумомъ и ученіемъ, жизнію и дѣятельностію долженъ свѣтить всѣмъ, *иже суть въ духовной его храминѣ.* О, сколько нужно для сего бодрости и крѣпости тѣлесной, зрѣлости и трезвенности духовной, сколько потребно для успѣха въ семъ твердости и силы воли, навыка и терпѣнія въ трудахъ, глубокой сосредоточенности въ мысляхъ и господства надъ страстями!

Въ живомъ и глубокомъ сознаніи своего безсилія, въ сердечномъ, искреннемъ и нелицемѣрномъ исповѣданіи своей скудости и своего духовнаго убожества, ободряю и утѣшаю себя тѣмъ единымъ упованіемъ, что призвавшій меня чрезъ священную и державную власть къ новому высокому служенію въ Церкви, Самъ въ немощи моей явить Свою всемогущую силу и, по ходатайству святителей Христовыхъ Митрофана и Тихона, подѣ благодатнымъ покровительствомъ и молитвеннымъ осѣненіемъ коихъ я служилъ доселѣ и буду служить Церкви Христовой, сотворить мя сосудъ избранъ и поставить мя *дѣлателя непостыдна, право правяща слово* небесной истины.

Въ семъ-то упованіи на Господа, удивившаго на мнѣ милость Свою, благопокорнымъ сердцемъ и преданною Богу душою умоляю Васъ, святѣйшіе и милостивѣйшіе Отцы, воздѣйте преподобныя рущѣ Ваши и вознесите о мнѣ къ Богу, Отцу щедротъ,

теплыя молитвы Ваши, да снидетъ на меня благодать Всесвятаго Духа, немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая, да служеніе мое на новомъ поприщѣ будетъ спасительно для чадъ Церкви Христовой и благопріятно Богу.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

ДЕКАБРСКОЙ КН. «ТРУДОВЪ КІЕВ. ДУХ. АКАД.» ЗА 1866 ГОДЪ.

- I. Слово въ день св. великомученицы Варвары, проповѣданное Варлаамомъ Лашевскимъ въ монастырѣ Свято-Михайловскомъ, 1746 г. Изд. *Н. Щеголева*.
- II. Краткій очеркъ исторіи свещ. библиологіи и экзегетики (Окончаніе)
Ст. Сольскаго.
- III. Образъ Господа нашего Іисуса Христа по художественнымъ памятникамъ древней церкви (окончаніе). *Д. Деряжасина*.
- IV. О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіевской академіи отъ начала ея до преобразования въ 1819 году (продолженіе). *Н. Петрова*.
- V. Семенъ Денисовъ Вторушинъ, предводитель русскаго раскола XVIII вѣка.
Елиидифора Барсова.
- VI. Рѣчь на панихидѣ по Н. М. Карамзинѣ 1 декабря 1866 г. *Пр. Н. Фаворова*.
- VII. Творенія блаженнаго Августина (перев. съ латин.).

ПОДПИСКА НА 1867 ГОДЪ.

„ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА“,
политическая и литературная,

издава. **К. В. Трубниковымъ**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою на домъ. въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ города.

На годъ 7 руб.

» мѣсяцъ 60 коп.

Подписка принимается; въ С.-Петербургѣ въ конторѣ «Вечерней Газеты» (въ Большой Конюшенной, домъ Утина).

ИЗВѢСТІЕ.

Поступила въ продажу книга:

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Х. М. ОРДЫ, ПРОФЕССОРА КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Авторъ этого сочиненія твердо стоитъ на почвѣ вѣры и Евангелія и съ истинно-христіанскимъ воодушевленіемъ изображаетъ по нимъ лице, ученіе и дѣла Богочеловѣка, предлагая, гдѣ нужно, обстоятельное описаніе святыхъ мѣстъ и изслѣванія вѣрующей науки, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ опровергаетъ мифы Ренана, Шенкеля и Штрауса, противныя евангельской исторіи. Цѣль книги, по словамъ самаго автора, вѣрующихъ укрѣпить въ вѣрѣ, колеблющихся поддержать, заблуждающихся наставить, невѣрующихъ опровергнуть, и, если возможно, убѣдить въ истинѣ.

Не смотря на весьма значительный объемъ книги (около 600 страницъ), найдено возможнымъ назначить за нее сравнительно не высокую цѣну, а р. 50 к. съ пересылкою. (Въ подлинникъ, при всей дешевизнѣ нѣмецкихъ книгъ, это сочиненіе стоитъ больше трехъ рублей). Выписывающіе не менѣе десяти экземпляровъ и книгопродавцы, покупающіе на наличныя деньги, пользуются уступкою 20%.

Адресоваться съ требованіями въ редакцію духовныхъ журналовъ, издаваемыхъ при кіевской академіи и семинаріи, а также и въ книжные магазины С. Литова въ Кіевѣ, Житомирѣ, К. Подольскѣ и С. Петербургѣ.

Редакторы: Еп. *Оеодосій. П. Арсеній.*
Свящ. *Ө. Никоновъ.*

Печатать дозволяется. Цензоры: протоіерей *Скрябинъ* и священникъ *Волковъ*. Воронежъ, Февраля 27 дня, 1867 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.